

Владимира Войновича не прельщают лавры Тополя и Сим Сими́ча

Симона - С. М. - 1995 - 4 абр. - С. 4

НА НЕДАВНЕМ сочинском "Кинотавре" Владимир Войнович появился в новом для себя качестве - председателя жюри Российского конкурса. Встретив Владимира Николаевича загорающим на пляже "Жемчужины", я поинтересовался в первую очередь, сколь тяжела для него председательская ноша...

Я бы не сказал, что очень легкая! Совмещение приятного с полезным, может быть, и есть, но я таких функций никогда не исполнял. Я был в жюри литературных, но там все проще - жюри заседает в одном месте, авторы находятся в другом. А здесь - все в одной куче! Многочисленные взгляды, давление - это немножко нервнует.

Владимир Николаевич, вы довольны в итоге тем, что "Чонкина" поставил Иржи Менцель, а не Эдгар Рязанов?

Да, доволен. По разным причинам. Я не хочу бросать камень в Рязанова - хотя он это иногда делает, отвечать ему я не буду.

Ну в свое время в "Огоньке" - то вы ему ответили!

Я ему отвечал по существу, а не так, как он... Но дело не в этом. Рязанов крупный режиссер, просто затея наша родилась немножко преждевременно, в том была и его ошибка, и моя. Тогда, в 89-м году, ничего хорошего бы не получилось - было большое давление отовсюду, в том числе со стороны армейских чинов, которые непременно бы вмешались. И пришлось бы или им уступить, или с ними бороться, что тоже неприятно. Пришлось бы объяснять, что Чонкин - настоящий русский герой... Зачем это доказывать генералам? Они не стоят того.

А разве разногласий финансового порядка у вас с Рязановым не было?

Разногласия были только творческие, самые разные. Рязанов пригласил очень хорошего актера на роль Чонкина - Стеклова. Но ведь Чонкин - это маленький, худенький 19-летний парень, а Стеклов уже вышел из возраста, из формы - он уже мог играть генерала, и я уверен: он сыграл бы генерала очень хорошо. Я считал, что в этом моем замечании не было ничего обидного. И еще: в своей борьбе с этими генералами Рязанов хотел сделать такой лубок, фольклора побольше добавить, частушки озорные... И вообще, сделать Чонкина бравым солдатом. Мне это жутко претит. Вот Швейк - бравый солдат, или Теркин... А Чонкин совершенно не бравый. Сделать его таким разухабистым - это вопреки замыслу автора. Если бы те пробы, которые начал делать Рязанов, удовлетворили меня и продюсеров - наш фильм состоялся бы.

А как вы оцениваете то, что получили у Менцеля?

Я считаю, что главная удача фильма - два актера, найденные Менцелем, которые очень подходят на эти роли. Геннадий Назаров и Зоя Буряк. Прекрасный дуэт, они там затмевают всех наших звезд! Я как автор, конечно, не могу быть на сто процентов доволен, да и вообще, возможность кино гораздо меньше возможностей литературы...

А кстати, ваша газета насколько свободна от цензуры? Можно обругать ваших петербургских чиновников? Мне сообщили, что перед 9 мая у вас запретили показывать "Чонкина" в кинотеатрах!.. Я бы постыдился издавать такой приказ! Это обыкновенное ленинградское самодурство, обкомовское - в традициях Жданова, Толстикова... Номенклатурное самодурство! Раньше, когда говорили, что "Чонкин" - это клевета на русский народ или оскорбление памяти погибших, я отшучивался просто. Но мне это немного надоело. Я должен сказать, что Чонкин - самый настоящий русский герой, без всяких кавычек. Он кривоногий, лопухий, но он выполняет все приказы - приказы идиотские, выполнить их невозможно, но он настоящий герой! И я не понимаю, почему Чонкин может оскорблять память лавших, а скажем, горы лживых книг о войне и фильмов - не могут? И почему ветеранов, на которых все время ссылаются, не оскорбляет, например, имя Сталина? Когда при имени Сталина люди вскакивают и начинают судорожно хлопать в ладоши - как у Толстого полковая лошадь при звуке рожка - это что, не оскорбление памяти народа?..

А все-таки, Владимир Николаевич, ведь не случайно сатирических произведений о войне у нас больше не было. Может, дело в каких-то "охранительных" особенностях нашего менталитета?

Вы знаете, да. И не только нашего. Когда один мой знакомый еще до войны признался чекам, что любит Гашека, те на него набросились: как вам не стыдно! Гашек - предатель чешского народа, он оскорбил чешскую армию и так далее. И даже сейчас в Чехии есть люди, которые считают, что Гашек - мерзавец. Но это все-таки проявление крайней непонимания литературы.

Владимир Николаевич, в вашей последней книге "Замысел" сплетены самые разные фрагменты нереализованных произведений. Это помешало реализовать каждое из них в отдельности?

В основном обстоятельства жизни. Много лет я находился под таким чудовищным давлением КГБ, властью, что мне просто физически не давали возможности писать. Меня провоцировали на всякие действия, из-за которых я прерывал работу, занимался чем-то другим. Вот я писал "Чонкина", потом началась эта история с квартирой - "Иванькинда". Эта история выбила меня из колеи, но только она кончилась - меня исключили из Союза писателей. Потом пошли самые разнообразные нападения на меня, меня даже пытались отравить - об этом я тоже писал. Стихи, допустим, можно писать, будучи подведенным вниз головой, под потолком, а прозу - нельзя. Проза требует определенного покоя, уверенности, что никто ко мне не придет и не вырвет у меня это из рук. Поэтому

возникало много замыслов, которые не реализовались.

Ну а после отъезда, обретя свободу, почему бы не довести свои замыслы до конца?

Во-первых, к некоторым из них я уже к тому времени остыл. И потом, когда я оказался на Западе, для меня это был шок, года два я вообще не мог войти в колею и по-настоящему начать работать. Когда человека вырывают из одной жизни и пересаживают в другую - надо сначала прижиться, устроиться, есть проблема выживания, я имею в виду душевного.

Но ведь прошли уже годы...

Да, годы, но замыслов у меня гораздо больше. Я пишу медленно, переписываю много раз. Пока пишу что-то одно - возникает другой замысел, пытаюсь их совместить - они не совмещаются. В общем, я понял, что жизнь моя - уже на какой-то заключительной фазе, и жалко, если все это пропадет. Я хватался за один из этих замыслов, то за другой, чувствовал, что не успеваю - и решил сделать такой сплав. Ну а кроме того, поскольку книга в значительной степени автобиографична, я хотел показать и жизнь писа-

ти Ленин.

В свое время вы подписывали письма в защиту Солженицына. Вы изменили свое отношение к нему еще до отъезда?

Задолго. Когда он появился - это вообще был единственный человек, из которого я отчасти сотворил себе кумира, ни с кем больше этого не было, я не любил ни Сталина, ни Ленина. А его я вместе со всеми принял с энтузиазмом... Но еще до того, как он уехал, какие-то его тенденции, высказывания меня смущали. Или даже вызвали насмешливые чувства. Например, он написал тогда статью, в сборнике "Из-под глыб" - в ней было много справедливого, но проявилось и такое болезненное отношение к национальному вопросу, которое принимало комические формы. Он писал вот, эти так называемые интеллигенты дошли до того, что называют собак русскими именами - например, Фома, Фома, кстати, греческое имя, а не русское. Но это вообще смешно, потому что в России в деревнях всегда называли кабанов Борьками, коз и коров - Машками, котов Васками, и так далее. Ну а с другой стороны, если собак, как он считает, надо называть только

"Я не хочу терять читателя, зрителя, но хочу завоевать его, не снижая своего уровня"

теля со всеми его замыслами, как он с ними носится, как они у него возникают, развиваются, почему он их бросает и так далее - это само по себе тоже художественный замысел. Я не знаю, насколько он мне удается, потому что книга еще не кончена...

В романе "Москва. 2042" у вас было немало грозных и смешных пророчеств, но сбылось пока лишь одно - въезд в Москву Сим Сими́ча Карнавалова...

Дело в том, что эту книгу я писал не как предсказание, а как предостережение - что будет с Россией, если жизнь дальше будет развиваться по прежнему сценарию. Но не успел я написать этот роман, как началась перестройка, стало казаться, что события пошли куда-то в другую сторону. Сейчас же я смотрю: каким-то странным образом действительность все-таки к этой книге возвращается. То куда-то уходит - а потом опять возвращается, опять...

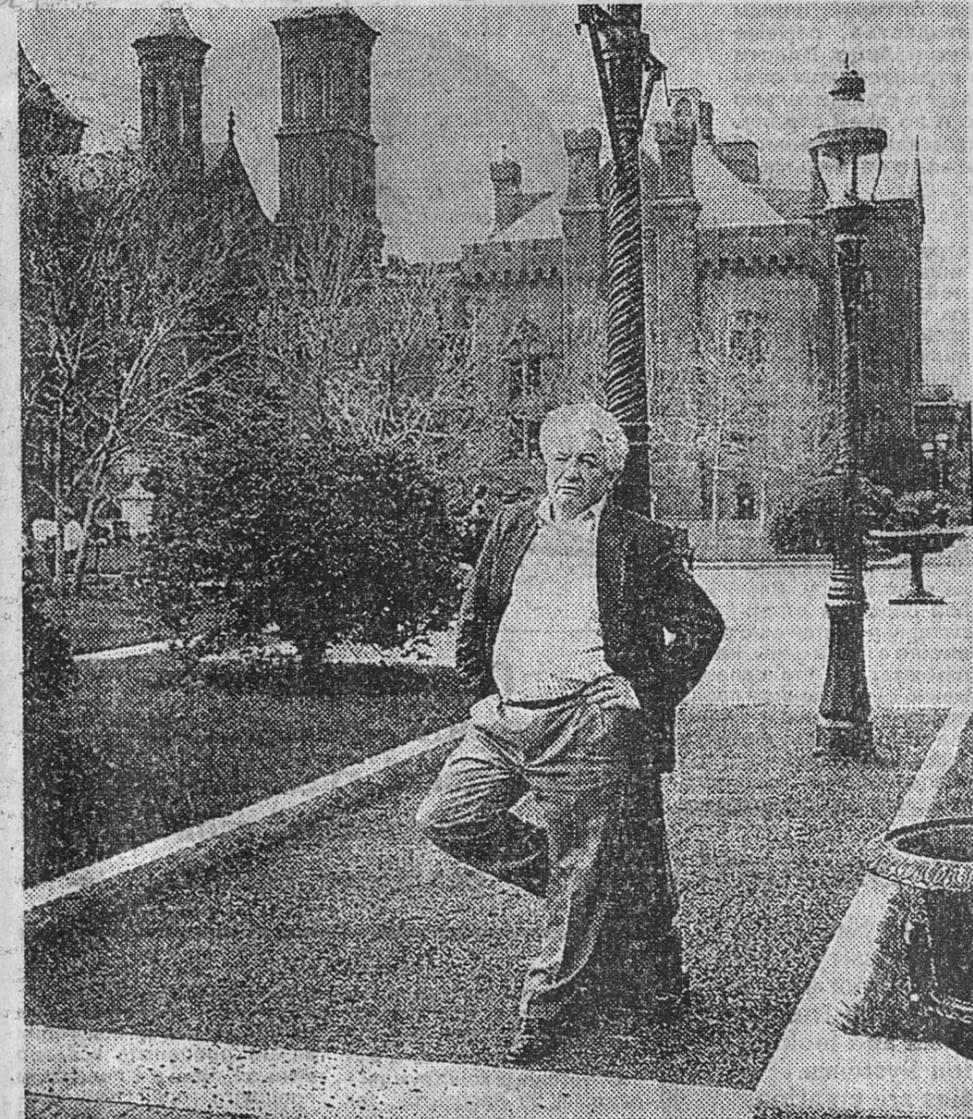
Что касается Карнавалова, то не забывайте, что это собирательный образ. Мне многие раньше говорили, что я хитро, утверждая, будто Карнавалов это не Солженицын. Но я всерьез так думаю: Карнавалов - это пародия на исторический тип! Солженицын относится к этому типу, но не он один, а самые разные люди - протопол-Авакум, Пугачев, Бакутин, Чернышевский, отчас-

Джеками. Джимами - тогда получается, американцы должны обидеться! У него было много подобных высказываний. И когда он проявлял абсолютную уверенность в том, что он лучший писатель всех времен и народов, и что если его книги будут напечатаны то здесь все рухнет - это тоже было смешно. Здесь все-таки сперва все рухнуло, а потом напечатали его книги. Хотя Солженицын, безусловно, крупная фигура, историческая личность, и его книги, его существование играли огромную роль. Но этот культ Солженицына, эта атмосфера поклонения, причем глупейшего! Уже в последнее время несколько раз было так и какой-то своей репликой откликаюсь на то, что он говорит. И тут же слышу окрики со всех сторон: а кто ты такой, как ты смеешь? А я говорю: а я вот такой, я смею говорить все, что угодно и ни у кого спрашивать разрешения не собираюсь...

А личные отношения с Солженицыным у вас когда-либо существовали?

Несколько раз я с ним встречался, но это было мельком. Да у меня и не могло бы быть никаких отношений, потому что разные, думаю, невозможны были вообще, а нервные меня не интересуют ни с кем.

Владимир Николаевич, ну а сами вы никогда не болели комплексом "властителя дум", как всякий

русский писатель?

Никогда я себя так не ощущал и ощущать не хочу.

В перестроенные годы вы, помнится, довольно нервно восприняли полемику о том, должен ли русский писатель жить в России...

Мне кажется, что проблема тогда ложно ставилась: не разрешалась и не разрешалась до сих пор. Дело в том, что многие люди не только писатели - были отсюда изгнаны. Перед ними никто не извинился, а их уже начали попрекать, что они там живут и не возвращаются! Я пытался разгадать эту загадку, но так ее и не осилил. Еще в 87-м году я начал слышать попреки, почему они не возвращаются? А как вернуться? Я лишен гражданства советского, признан врагом. Я что, должен где-то подкапывать, чтобы вернуться? Где-то в начале 87-го года я послал Зарыгину свою повесть "Путем взаимной переписки", сообщил ему, что она была написана в 68-м году специально для "Нового мира", так не пора ли ее сейчас, почти 20 лет спустя, напечатать? И получил хамский ответ: почему ты-то не известных никому людей думаешь, что стоит печатать именно их?.. Потом, когда всерьез зашла речь о возвращении гражданства, ко мне стали подкатываться разные люди и спрашивать: а если тебе вернут гражданство, ты его возьмешь или нет?

Я говорю: вот когда вернут, тогда скажу! Короче, все это шло с какими-то унижительными оговорками.

Когда же в 90-м году мне гражданство вернули, я написал письмо Горбачеву, что гражданства мне мало, для того, чтобы вернуться, надо где-то жить - мне должна быть предоставлена квартира, которая у меня отнята. И мне дали квартиру. Другие этого не сделали, вот, например, Владимир - он очень хочет вернуться, а куда? Говорят: пусть купит себе за доллары! Да у него нет долларов, понимаем? Государство, говорит квартира теперь не дает. А на самом деле - дает, когда надо. И находятся у него какие-то резервы.

Вы по-прежнему, как я понимаю, живете между Москвой и Мюнхеном, с двойным гражданством. В этом нет никакого дискомфорта?

Я ощущал дискомфорт, когда Россия была для меня закрыта. А сейчас вообще не поймешь, кто где. Я, например, живу в России гораздо больше, чем Евтушенко. Анатолий Рыбаков - вообще откуда не вылезает. Так что жизнь в некотором смысле нормализовалась.

А как вы относитесь к тому, что в России сейчас самый издаваемый автор - Солженицын, не Войнович, не Владимов, а Эдгар Тополь, человек, чья

профессия немножко отлична, скажем так, от вашей?

Ну дурной вкус - он везде подавляющий, и в литературе больше, чем где бы то ни было. Дело в том, что литература в закрытом обществе играет гораздо большую роль, чем в открытом. В закрытом обществе человек ищет ответы на какие-то важные вопросы. А когда общество открывается, он ищет за этими ответами к психиатру, сексологу, священнику, адвокату. Или вообще этими вопросами не занят. Он занят бизнесом, путешествиями, развлечениями становится больше. Поэтому ему нужна литература вот такая - полистал и выбросил. Во всем мире такая тенденция, на Западе того же Тополя не читают - но там хватают своих Тополей, более изоцидренных. Это нормально для общества, в котором доминируют рыночные отношения. Значит, у меня тоже есть выбор - я могу постараться писать, как Тополь, а может, даже превзойти его...

А у вас нет такого желания?

Если бы у меня такое желание было, то моя судьба вообще бы иначе сложилась. Я мог в свое время процветать, потому что я писал песни и нотам, как на них огромные деньги зарабатывать. Вы знаете, что я написал, к примеру, песню "Я верю, друзья, караваны ракет..."? Или такая еще была: "Если к другому

уходит невеста, то неизвестно, кому повезло..." Я написал штук сорок песен, некоторые из них стали шлягерами. Сейчас вот встретил Кобзон, он говорит: почему вы не пишете песен? А я их уже 30 лет не пишу! Нет, говорит: вам надо их писать, замечательные были песни... Но мне это было неинтересно, так же как сейчас мне неинтересно потрафлять читателям Тополя. Это выше моих сил, у меня другие амбиции. Но все-таки, вы знаете, по сравнению с другими - я писателем читаемым. Меня читают не только здесь, но и в других странах, на других языках, так что жаловаться не могу...

Кто он, ваш читатель, каков он?

Он не имеет определенных черт. Это мой одиозный тип, который думает примерно так же, как я. Главное для меня - эффект некоего духовного обидения. А вообще стремление кого-то научить и повести за собой, это мне неинтересно.

Вы как-то сказали, что работаете сейчас над телевизионной "мыльной оперой". Уж там-то игнорировать массовый вкус вы едва ли, наверное, сможете?

Это не совсем "мыльная опера", я написал сценарий - начало большого телесериала комедийного. Дело в том, что я тоже ищу для себя какие-то новые формы выражения, я не хочу терять читателя, зрителя, но хочу завоевать его, не снижая своего уровня. Телевидение сейчас пожирает все остальные виды "рассказывающего" искусства - литературу, театр, кино. И я пытаюсь найти себя в этом жанре. Это условно называется "Новые русские", такая бесконечная пьеса, но у меня пока написано 5-6 серий - о жизни некой семьи в Москве, в одном доме. Через жизнь этой семьи я хочу показать вообще жизнь современной России.

Какие чувства у вас вызывает тот класс, что вынесен в название вашего сценария?

Смешанные чувства. Я считаю, что жизнь меняется благодаря частной инициативе миллионеров людей, которые что-то покупают, чем-то торгуют, что-то делают. Вот я смотрю, в Думе заседает такая деловая женщина, Ирина Хакамада, она вызывает во мне восхищение. Но вся эта среда в значительной степени криминализована - это плохо. Мне нравятся деловые люди, но я не люблю жуликов и прохиндеев, а тут часто все вперемешку. Так что я хочу показать жизнь всех ее прелестях...

У меня ни с кем нет договоренности о постановке - сперва какие-то люди проявили интерес и предложили мне то ли спонсорство, как сейчас говорят, то ли что-то еще. Но я отказался, потому что сначала хотел для себя решить художественную задачу, посмотреть, получается ли у меня то, что я хочу. Теперь кажется, что получается, теперь буду искать режиссеров, спонсоров актеров...

С гостем встречался Максим МАКСИМОВ

Фотограф Валерий ПЛОТНИКОВ